

А. В. СОЛОВЬЕВ

Новый итальянский перевод «Слова о полку Игореве»

В связи с общим повышением интереса к советской русской культуре на Западе появляется целый ряд исследований по древнерусской литературе, и в частности о ее величайшем памятнике — «Слове о полку Игореве». В 1954 г. издан новый перевод с комментариями на итальянском языке.

Изящно изданная книжка под заглавием «Слово о полку Игореве, русская эпопея XII века, старанием Ренато Поджиоли» появилась как 4-й выпуск в серии «Новое ожерелье поэтов с подлинным текстом»;¹ первым выпуском были сонеты Шекспира.

Из предисловия видно, что автор перевода и комментария учился русскому языку в Гарвардском университете (США) у проф. Р. О. Якобсона и там заинтересовался «Словом». Обширное вступление (стр. 21—86) излагает историю памятника и дает подробную эстетическую оценку его. Самый текст «Слова» (русскими буквами) напечатан на левых страницах (88—196), а на правых (89—197) помещен итальянский перевод. Необходимо отметить, что, следуя изданию Якобсона,² автор разбил текст памятника на 218 нумерованных предложений (что весьма удобно для ссылок в комментарии) и, кроме того, на 30 глав, что нам кажется слишком дробным делением. Так как каждая глава начинается с новой страницы, а содержит всего от пяти до восьми предложений, то на многих страницах помещены лишь одна-две фразы. Для чтения это довольно удобно, но поэтому текст «Слова» с переводом занял 110 страниц, что можно считать излишней тратой бумаги. Лучше было дать более подробную библиографию, а она отсутствует, за исключением нескольких ссылок на стр. 81—86, которые показывают недостаточное знакомство с новейшей советской литературой предмета. За текстом следуют объяснения эмендаций текста, принадлежащие Р. О. Якобсону (стр. 201—208), и комментарий переводчика к отдельным, неясным для итальянского читателя местам текста (стр. 211—235).

Самым интересным для нас является вступление, в котором автор дает восторженную оценку «древнейшего и величайшего эпического творения русского гения» и часто сравнивает его с западноевропейским эпосом, чем делает его доступнее своим читателям. Изложим главные мысли этого вступления.

¹ Cantare della Gesta di Igor. Epopea russa del XII secolo, a cura di Renato Poggioli. Nuova collana di poeti con testo a fronte, 4. Giulio Einaudi editore. Torino, 1954.

² La Geste du prince Igor. Texte établi, traduit et commenté sous la direction d'Henri Grégoire, de Roman Jakobson et de Marc Szeftel. Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, т. VIII. New York, 1948, стр. 383.

Как и песня о Роланде, «Слово о полку Игореве» есть песня о поражении: сходство и в том, что поражение вызвано «буестью», самоуверенностью героя («desmesure» Роланда). Но в отличие от Роланда, Игорь не наказан до конца: он счастливо возвращается к жене, что несколько напоминает Одиссею. Автор считает, что «Слово» — «единственная эпопея, в которой герой восхваляется за то, что он действовал более как лисица, чем как лев». На это можно возразить, что поэт вдохновился фактом, а затем сохранилась прекрасная немецкая поэма (по-латыни) о счастливом бегстве Вальтара из плена, на некоторое тематическое сходство которой со «Словом» указал еще в 1926 г. Дмитро Загул.³

Разбирая структуру «Слова», автор указывает на его «божественную пропорцию», на его гармоническое деление на три части: 1) вступление, поход и поражение (эпическая часть); 2) сон Святослава и призывы к князьям (драматическая оратория); 3) плач Ярославны и возвращение Игоря (по преимуществу лирическая часть). Он высоко ставит среднюю часть, где поэт пользуется всеми средствами риторики, переходя от отчаяния к негодованию, от иронии и сарказма к панегирикам и давая ряд живых портретов. Все это становится его «золотым словом». Поэт — «златоуст политического красноречия: он говорит как жрец родины и как судия истории».

Плач Ярославны, по мнению Поджиоли, — поэтическая вершина «Слова». Как бы вследствие ее заклинаний наступает стремительное бегство Игоря, в котором ему помогают все силы природы. Отмечена легкая ирония в разговоре ханов. Наконец, мрачный колорит, навеянный злоеющим затмением на обе первые части, рассеивается. Солнце ярко светит, и поэма заканчивается торжественным пэаном.

Интересен анализ стиля, в котором комментатор подробно останавливается на его сложности: это и эпическая «повесть», и ораторское «слово», и проникнутая лиризмом «песня». Но они не резко разграничены: разные поэтические приемы проходят через все три части. Каждый голос имеет свое место в структуре контрапункта, и все они связаны. Так, «золотое слово» Святослава есть мужской вариант плача Ярославны, а оба они — отзвуки плача самого автора. Похождения Всеслава и бегство Игоря имеют ту же окраску чудесного — известный параллелизм. Лирический элемент разлит по всей поэме: то как личное соло поэта, то в форме хоровой лирики, иногда в форме оды или гимна, или элегии в плачах, наконец, идиллии в диалоге с Донцом, который автор определяет в другом месте как «амебейное пение».

Хорошо отмечена обостренность слуховых и зрительных впечатлений поэта: он слышит шум и звон битвы, ему слышится голос Ярославны, он как бы видит и затмение и надвигающуюся с моря грозу.

Особенно удачен подробный разбор «хроматических эффектов»; такого богатства, по мнению автора, нельзя найти ни в одной иной европейской поэме. Он говорит: скандинавские поэмы окрашены темным цветом; в песне о Сиде Менендеу отметил серость ее колорита; песня о Роланде не знает другого цвета, кроме темного железа. «Слово» полно ярких красок, удивляющих богатством полихромии. Преобладает золотой цвет; в золоте кованы многие предметы: золотые престолы (7 раз) и златоверхие терема, злаченые шлемы (3 раза) и стрелы, стремена (3 раза) и седла князей, монеты, которыми бряцают готские девы; оно появляется и целой массой, погруженной на дне реки, как золото Нибелунгов.

³ Д. Загул. Деякі риси старонімецької пісні про Вальтарія з IX ст. аналогічні до окремих місць „Слова о полку Игоревь“. Записки Іст.-філ. відділу УАН, VII—VIII. Київ, 1926, стр. 47—53.

Столь же часто появляется «червленый цвет», цвет кровавого вина, которое может стать и синим; это цвет крови, обогрившей траву и землю битв (4 раза); им окрашены «кровавые зори» и «багряные столпы»; ярко блестят «червленые щиты» (4 раза) и «червленый стяг».

Пейзаж блестит зеленым цветом травы и деревьев. Синим цветом — море, Дон и мгла, но река Сула блестит серебром. Сизые орлы и серые волки дополняют картину. Вся поэма пронизана блеском стали — харалуга, и он трепещет, как синие молнии. Реже встречается серебро, но белым цветом отливают горностаи, лебеди и гоголи и «белая чолка» стяга. Черный цвет дают траурная паполома, зловещий черный ворон, черные тучи, черная земля и темные берега Стугны.

Полихромия «Слова» не только декоративна, у нее есть символическое значение: напоминая преобладанием золота византийскую мозаику, она имеет драматическую функцию. Тьма затмения как будто продолжается в течение всего похода («два солнца померкоста», «Игорю утрпе солнца свет»); света нет и в рассказе о Всеславе. Но в третьей части солнце встает в плаче Ярославны и венчает своим ореолом возврат Игоря.

Столь же богаты и разнообразны слуховые эффекты. Все «Слово» «шумит и звенит» разными голосами, начиная со звуков труб, клика половцев, крика раненых, и особенно «пением копей», громом сабель, треском шлемов, звоном золота. Земля тутнет, земля стучит, трава шумит и «гром великий» гремит. В промежутках все время слышен язык зверей и птиц, особенно богатый: соловьи поют и щекочут, галки говорят, вороны грают, сороки трескочут, звери свищут, волки воют и лисицы брешут. Звериным образом «кличет Див», а раненые воины ревут, как туры.

В анализе эпических формул и метафор автор отмечает постоянные эпитеты в духе народной поэзии и талантливое создание новых ярких эпитетов. Любопытно его наблюдение, что типичное славянское отрицательное сравнение (типа «то не снег и не лебеди белы, то шатер Асан-аги», восхитившее еще Гете) встречается в «Слове» лишь два раза: первый раз, когда поэт говорит в духе Бояна: «Не буря соколы занесе...», и в самом конце, в комическом разговоре двух ханов: «А не сороки встрокоташа...». В обоих случаях поэт пользуется этим приемом в духе пародии, что бросает свет на его отношение к народному эпосу, по мнению Поджиоли.

Анализ языка обнаруживает наряду с народными и книжные элементы, как в древнеиспанской литературе. В нем есть библейские выражения («на ниче ся годининости обратиша», «уныша градом забрала»); в нем есть элементы, указывающие на прямое или косвенное знакомство с византийской литературой, как например метафоры «мыслено древо», «жемчужна душа», действующие абстракции: «снесесе хула», «тресну нужда» и аллегория «Дева-обида».

Все это свидетельствует о стилистической и символической сложности «Слова» — этого гениального создания поэта-виртуоза, сумевшего сохранить гармонию между орнаментальным стилем и пророческим тоном.

По заключительным словам Поджиоли, «всем людям, способным почувствовать красоту героической песни, этот неизвестный царственный волхв поэзии приносит в дар золото, фициам и смирну отдаленной, но вероятно вечной эпопеи».

Эта восторженная, пожалуй, чрезмерно эстетическая оценка может сильно заинтересовать итальянских читателей, и в этом отношении можно приветствовать автора, с таким вниманием и таким энтузиазмом исполнившего свою трудную задачу.

Прекрасное знание русского языка и богатство итальянского поэтического языка помогли Р. Поджиоли дать отличный перевод, вполне отве-

чающий оригиналу. Мы заметили в нем очень мало спорных мест. Так, в сне Святослава «поганых толковин» переведено почему-то «di Peceneghi infedeli». О печенегах в это время уже не упоминается: скорее, поэт мог намекать на черниговских коуев, бывших причиной поражения Игоря. Но лучше было бы не уточнять и перевести «degli alleati infedeli (неверных союзников)».

Тут же сказано «una grossa perla»: переводчик не понял, что «женчюг» — собирательное имя и что следовало перевести «grosse perle» множественным числом. Нельзя считать удачным перевод «терема златоверхого как «reggia dalla cupola d'oro»: золотой купол на тереме весьма сомнителен. Почему-то «Сула не течет... граду Переяславлю» передано «non scorre... in pro della rocca di Perejaslavl»: Переяславль вовсе не стоит на скале.

Заметим несколько погрешностей в историко-литературной части. Так, автор пишет, что «Слово о погибели земли Русской» было открыто М. С. Грушевским в 1895 г., тогда как известно, что его нашел Х. Лопарев в Псково-Печерском монастыре и опубликовал в 1892 г. в «Памятниках Общества любителей древней письменности» (вып. 84); М. С. Грушевский напечатал в 1895 г. лишь небольшую заметку об этой находке.

Довольно странно утверждение, что русским дружинникам «были чужды этические идеалы западного рыцарства», примером чего должно служить «изложение любовных тем, совершенно отличное» от западных поэм. В последних будто бы любовь проявляется лишь в виде супружеской и семейной любви, как например в песнях о Сиде и о Роланде. «Слово» же, по мнению Р. Поджиоли, «не участвует в моральном настроении христианского духа, отличающего песни о Сиде и Роланде от варварской германской эпохи, и скорее приближается к эпосу Гомера. Достаточно указать на полную циничность и яркого реализма сцену умычки половечких девок» (стр. 33—34).

На это следует возразить, что песня о Сиде неудачно выбрана в качестве морального примера. Ведь главным сюжетом второй ее части является рассказ о том, как два молодых графа, женихи дочерей Сиды, везя их на свадьбу, предпочли надругаться над ними по дороге и бросить опозоренными в пустынном месте. Это варварское неуважение к чести невест вызывает мщение Сиды. Оно бросает яркий свет на «рыцарские идеалы» западного феодализма. Кроме того, тема прелюбодеяния типична для западного эпоса (Тристан и Изольда). Правда, в песне о Сиде есть образ верной и послушной жены героя. Но ведь «Слово о полку Игореве» дает еще более трогательные образы тоскующей Ярославны, «милой хоти Глебовны» и плачущей матери Ростислава. Если оно мимоходом упоминает о похищении языческих пленниц, то ведь так же поступали все западные феодальцы, крестоносцы и не-крестоносцы, в это жестокое время. И курьезно, что проф. А. Мазон именно в этой умычке половчанок не видит ничего грубого, а, напротив, усматривает в ней «галантный стиль» французских рыцарских романов, «романтический легкий штрих»⁴ в духе XVIII в.

Несколько странным является утверждение Р. Поджиоли, что в «Слове» не видно ни христианства, ни патриотизма, что, подобно эпосе Дигениса и испанским романсеросам, это лишь «пограничный роман», эпопея «реконкисты» (возвращения) утерянной Тмутаракани. Конечно, христианского духа в «Слове» гораздо меньше, чем в летописи, но оно все

⁴ «Une touche romanesque et légère» (А. Мазон. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940, стр. 165).

время называет половцев «погаными» (язычниками), и странно утверждать, что «термин „христиане“ нигде не появляется в Слове», когда он есть в его заключении. Автор чрезмерно настаивает на том, что это лишь пограничная ссора между двумя соседними, даже родственными народами, и указывает, что «сам Игорь был сыном половчанки». Это неверно: мать Игоря была дочерью новгородского посадника Петрилы, лишь отец его, Святослав Ольгович, был сыном Осолуковой дочери. Что касается патриотизма «Слова», то о нем много писали в советской литературе, которая автору недостаточно известна.

Эти погрешности несколько умаляют достоинство комментария Р. Поджиоли, в общем весьма интересного. Отметим, что в нем он касается (на стр. 21—22) и пресловутого похода проф. А. Мазона против подлинности «Слова» и считает, что эта гипотеза совершенно уничтожена блестящими и подробными доказательствами проф. Р. О. Якобсона.⁵ Именно неудача А. Мазона вызвала повышение интереса к «Слову» на Западе, выразившееся в появлении все новых переводов: на испанский язык — Я. и М. Малкиель в Буэнос-Айресе (1948 г.); на английский — проф. С. Кросса (1948 г.); на французский — проф. А. Грегуара (1948 г.) и швейцарского поэта Р. Супо (1950 г.); на словацкий — под ред. проф. А. В. Исаченко (1946 г.) и на словенский — проф. Р. Нахтигала (1954 г.).⁶

* *
*

В издании текста «Слова» Р. Поджиоли принял все исправления, внесенные Р. О. Якобсоном в его издание 1948 г., и еще несколько новых. Нам хочется указать на три особенно интересные конъектуры.

1. Проф. Р. О. Якобсон уничтожил пресловутые «стрикусы». Он обратил внимание на то, что в Екатерининской копии написано: «утръ же вазнистри кусы», что в печатном издании 1800 г. изменено на «утръ же воз-зни стрикусы», причем «утръ же» совершенно ошибочно переведено как «по утру же», что позднейшие издатели стали изменять в «утръ же». Между тем «утръже» — это правильный аорист от глагола «утръгнути» — «урвать» (как «оторгнуть» — «оторвать»?).⁷ Если держаться Екатерининского текста, то в нем не надо менять ни одной буквы, следует лишь правильно разделить слова: «утръже вазни с три кусы». Слово «вазнь», не понятое издателями 1800 г., значит «счастье», «удачи» (Tuchê). В «Изборнике» Святослава 1073 г. «вазнь» противопоставлена христианскому смиреннию, а мы можем добавить, что два века спустя в Ипатьевской летописи под 1287 г. о князе Владимире Волынском сказано: «Дал бжшеть ему бог вазнь не токмо и на одиных ловех, но и во всем за его добро и правду». Следовательно, слово «вазнь» было известно в дружинном быту и применялось не только к охоте, но и ко всей деятельности князя. Итак, «утръже вазни с три кусы» значит «урвал счастья с три

⁵ В указанном издании «La Geste du prince Igor» (стр. 235—360). Автору остались неизвестными убедительные возражения проф. Н. К. Гудзия (Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследовании проф. А. Мазона. Ученые записки МГУ, вып. 110. М., 1946, стр. 153—187) и В. П. Адриановой-Перетц («Задонщина». Опыт реконструкции авторского текста. ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 205—217).

⁶ Р. Поджиоли отмечает, что еще в XIX в. появился итальянский перевод «Слова» в сборнике «Русская поэзия: былины и пр.» Доменико Чамполи (без даты); этот старый перевод перепечатан в 1946 г. профессором Леоне Пачини-Савой в книге «Slovo o polku Igoreve — Detto della Campagna di Igor» (Napoli, 1946).

⁷ Прибавим, что глагол «utrhnouti» — «урвать» известен в чешском языке, а в сербском словарь Вука Караджича приводит «утргнути се» — «оторваться» (про грыжу).

клока». Проф. Якобсон справедливо указывает, что «вазнь» может делиться на части, и приводит текст из «Пчелы»: «... уне ми имети каплю вазни нежели бѣтарь ума», а «кус» известен Слову Кирила Философа.⁸ Теперь текст ясен: веший Всеслав был удачлив, он занял Новгород, «расшиб славу Ярославу», сел даже на столе в Киеве, но все это было временно, частично («три куса»): хоть он был хитер и горазд, и «вазнив», не избежать ему было божьего суда.⁹

2. Известно, что из всех географических названий в «Слове» труднее всего объяснить «Дудutki». Н. М. Карамзин сообщал о монастыре около Новгорода, но никто из позднейших комментаторов не нашел этого монастыря. Трудно сказать, был ли у добросовестного Карамзина какой-то утраченный источник. Между тем В. В. Капнист в своем недавно лишь опубликованном комментарии к «Слову», «не зная, где подлинно Дудutki находились, отыскал город Дудичи близ Минска на реке Птиче».¹⁰ Надо сказать, что Дудичи вовсе не город, а маленькое село в 35 километрах к югу от Минска: это древнее родовое название, и мы не видим никаких оснований, чтобы оно в XII в. называлось Дудutki. Однако, не зная о переводе Капниста, проф. А. Мазон пришел к той же мысли и на основании ее сочинил целую сказку о том, как вернувшийся после раздела Польши офицер рассказывал Мусину-Пушкину об этой деревне и как предполагаемый фальсификатор (неясно, Мусин-Пушкин или Бантыш-Каменский) включил Дудutki в текст «плагиата», наряду с Тмутараканью, как «два полюса русского империализма».¹¹ Несообразность этой гипотезы видна из того, что в 1795 г. русская граница дошла уже до Гродна и Бреста, гораздо дальше на запад, и что никому не известные Дудutki не могли играть роль «полюса империализма».

Между тем проф. Якобсон предлагает упразднить Дудutki и читать «сѣду ток», предполагая диттографию переписчика. Для этого у него имеются серьезные основания: еще Потегбня обратил внимание на то, что в сказках битва сравнивается с молотьбой, а ток с полем битвы или местом поединка: «дми точок» — очищай место для поединка. Проф. Якобсон приводит еще два примера фразы «дуй точок» из украинских сказок.¹² Поскольку в следующей строке «Слова» сказано «на тоце живот кладут», можно предполагать, что Всеслав-чародей «сдул ток», т. е. очистил место для битвы.

⁸ La Geste du prince Igor. Texte établi... par Roman Jakobson, стр. 240—241.

⁹ Заметим, что слово «стрикусы» обычно производят от древнемецкого «Strit-axus»; но весьма сомнительно, существовало ли такое слово: в германском этимологическом словаре Клуге, на который обычно ссылаются, есть только слово «axus», а если даже было образовано редкое слово «stritaxus», то неясно, почему бы оно попало в русский язык и не встретилось в летописях, где часто упоминаются топоры и секиры. Наконец, имея ударение на коренной гласной «а», оно вошло бы в русский язык в форме «стритаксы» или «стритаки», но вовсе не в форме «стрикусы», сочиненной неудачливыми комментаторами 1800 г. Можно утверждать, что слово «stritaxus» было неизвестно древнемецкому языку: его нет ни в словаре Клуге, ни в более подробном словаре Шаде (O. Schade. Altdeutsches Wörterbuch, II, 881 и сл.), хотя он приводит 26 сложных слов с первой частью «strit». Только в словаре среднемецкого языка Лексера (M. Lexer. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch, II, 1240) мы найдем два примера искомого слова «боевой топор», но оба они взяты из текстов XV в. и дают новые, среднемецкие формы: «strit-ackes» и «stridaxht». Эти формы XV в. весьма далеки от воображаемых «стрикусов».

¹⁰ Д. С. Бабкин. «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста. Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

¹¹ A. Mazon. Le Slovo d'Igor, стр. 157—162.

¹² La Geste du prince Igor. Texte établi... par Roman Jakobson... стр. 92—93.

Р. Поджиоли внес это изменение в текст, но перевел довольно неточно: *e lasciò la sua posta sull'aia*. Эта конъектура кажется нам менее убедительной, чем первая. Дудутки могли находиться близ Новгорода, по свидетельству Карамзина; такое название вполне возможно, сравним сербские звукоподражательные слова: «гугутка» (горлица) и «дудук» (свирель). Нет достаточных оснований предполагать удвоение слога переписчиком, что нигде больше не встречается в тексте «Слова». Все же мы сочли полезным указать на эту попытку исправления текста.

3. Заключительную строку: «Князем слава, а дружине аминь», проф. Якобсон предлагает читать «а дружине честь». Действительно, понятия «слава» и «честь» тесно связаны и в «Слове», и в Ипатьевской летописи, причем слава обычно принадлежит князю, а честь — дружине. Можно предполагать, что позднейший монастырский переписчик заменил последнее слово «честь» обычным заключительным «аминь».¹³

¹³ La Geste du prince Igor. Texte établi... par Roman Jakobson... стр. 96.